

Роман и Ольга

Автор:

Александр Бестужев-Марлинский

Роман и Ольга

Александр Александрович Бестужев-Марлинский

Бестужев писал, что он, работая над повестью, вникал в новгородские летописи, опирался на песни и сказы. Герой повести – новгородец Роман – и отважный воин, и лазутчик, проникающий в московский стан, и песнопевец, и достойный жених дочери именитого гостя новгородского Симеона Воеслава. Но прежде, чем он сможет соединиться с Ольгой, его ждет много приключений и подвигов...

Александр Александрович Бестужев-Марлинский

Роман и Ольга

Старинная повесть

Течение моей повести заключается между половинами 1396 и 1398 годов (считая год с первого марта, по тогдашнему стилю). Все исторические происшествия и лица, в ней упоминаемые, представлены с неотступною точностию, а нравы, предрассудки и обычаи изобразил я, по соображению, из преданий и оставшихся памятников. Языком старался я приблизиться к простому настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок. Предмет сей книги не позволяет мне умножить число пояснительных цитат, но читатели, Для проверки, могут взять 2-ю главу 5-го тома «Истории государства Российского» Карамзина, «Разговоры о древностях Новагорода»[1 - «Разговоры о

древностях Новагорода»... и «Опыт о древностях русских» – «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» Е. Болховитинова (1808) и «Опыт повествования о древностях русских» Г. П. Успенского (2-е изд.. 1818).] преосвященного Евгения и «Опыт о древностях русских» Успенского. (Примеч. автора.)

I

Зачем, зачем вы разорвали

Союз сердец? «Вам розно быть! – вы им сказали. –

Всему конец!» Что пользы в платье золотое

Себя рядить? Богатство на земле прямое[2 - Эпиграф взят из стихотворения В. А. Жуковского «Алина и Альсим» (1814).]

Одно – любить! Жуковский

– Этому не бывать! – говорил Симеон Воеслав, именитый гость новгородский, брату своему. – Не бывать, как двум солнцам на небе. Правда, твой любимец, Роман Ясенский, хорош и пригож, служил верой и правдой Новугороду, потерпел много за Русь святую; горазд повесть слово на вечах, в беседах; удал на игрушках военных[3 - Так назывались на Руси турниры. См. 5-й том «Ист. гос. госс.» Карамзина, примеч. 251. (Примеч, автора.)] и на все смышлен, ко всем приветлив... Одна беда, – примолвил Симеон, с гордостью перебирая связкою ключей на поясе, – он беден, стало быть, не видать ему за собой Ольги.

– Брат Симеон! сердце не слуга, ему не прикажешь!

– Зато можно отказать. С этого часу запрещаю Ольге и мыслить о Романе, а ему – ходить ко мне. Я хочу, чтоб она думала не иначе, как головою отца да матери: жила бы по старине, а не по своей воле, и не подражала бы чужеземным, привозным обычаям. Правду молвить, в этом первую виной...

– Если б не торговые выгоды! – прервал Юрий, с усмешкою разглаживая усы свои.

– Да, да, если б не торговые выгоды! – отвечал Симеон, тронутый таким замечанием. – Выгоды, которые сделали меня первым гостем новгородским.

– И всегда и навсегда напрасно: Ольга не избрет другого, если ты не выберешь ею избранного. Брат и друг! ты хорошо знаешь свои счета, но худо страсти людские. Ольга может в твою угодю скрыть слезы свои, но эти слезы сожгут ее сердце, и она безвременно увянет, как цвет, иссохнет, как былинка на камне. Не делай же ее несчастною, не заставь крушиться родных на твое позднее раскаяние. Послушай совета от друга и брата, чтоб после не плакаться богу; исполни мою просьбу, а молодых мольбу – отдай Ольгу Роману!..

Слово совет пробудило гордость Симеонову.

– Побереги эти советы для детей своих! – сказал он, нахмутив брови, чтобы под суровостию чела скрыть слезы, навернувшиеся на глазах от речи Юрия. – Старшему брату поздно жить умом младшего.

Долго длилось молчанье. Юрий, недовольный худым успехом сватовства, видел, что он оскорбил самолюбие брата. Симеон досадовал на него за противоречие, а на себя – за помин о старшинстве. Один глядел в косячатое окошко[4 - ...косячатое окошко... (косячатое, косячатое, косячетое) – окно с косяками.], другой играл кистью своего узорчатого кушака; оба искали слов к разговору и не находили. Наконец нетерпеливый Юрий решился избавить себя и брата от затруднения уходом.

– Прощай, братец! – тихо сказал он, снимая со стопки бобровую свою шапку.

– С богом, Юрий! Но почему ты не остаешься здесь ужинать? Я попотчую тебя стерлядью и славным вином заморским.

– У тебя ль, Симеон, нет золота? – возразил брат его, Юрий Гостиный, сотник конца Славенского[5 - ...сотник конца Славенского. – Сотник (истор.) – командир небольшого войскового подразделения, сотни. Население в Новгороде делилось на сотни, на «концы», то есть районы, а жители «концов» назывались кончане.]. – Тебе ли желать богатого зятя, когда ты можешь устлать деньгами

всю дорогу его к церкви венчальной?

- Но кто мне порука, что не деньги влекут Романа к моей дочери?

- Его чувства, Симеон, его поступки: кто бескорыстно принес в жертву родине свою кровь и молодость, кто первый запалил наследственный дом, чтоб он не достался врагам Новагорода, тот, конечно, не променяет души на приданое!

- Так не хочешь ли, братец любезный, чтоб я бросил мою лучшую, заветную жемчужину в мутный Волхов, чтоб я отдал мою дочь за человека, у которого нет три-девяти снопов для брачной постели[6 - Брак сопровождался был в старину множеством обрядов: перед выездом в церковь жених и невеста ступали на ковер, под венцом стояли на соболе, по приезде в дом жениха невесте расплетали косу, которой уже не могла она показывать. Во время пира подружки молодой пели приличные песни. При входе в спальню новобрачных осыпали хмелем и деньгами, чтоб они жили весело и богато. Постель стлалась на тридцати девяти снопах разного жита, и один из дружек, с саблей в руке, должен был разъезжать всю ночь кругом брачной клетки или сенника. (Примеч. автора.)], у которого и любимый конь пасется муравою приятелей! Моей ли Ольге он чета? У нее корабли в море, у него - журавли в небе.

- Брат! не порочь доброго гражданина! Сердце Романово стоит твоих мешков с золотом, и в его жилах течет нехудая кровь детей боярских: племяннице моей не стыдно сложить руку с рукою правнука Твердиславова.[7 - Твердислав был посадником новгородским в 1219 году. О его великодушии смотри «Ист. гос. Росс.» Карамзина, том 3, стр. 172. (Примеч. автора.)]

- Да будь он потомок самого Вадима[8 - ...потомок самого Вадима... - Вадим - полупоупендарный вождь новгородцев, упоминаемый в Никоновской летописи; выступил против власти князя Рюрика. В глазах декабристов был символом героической борьбы против тирании.], и тогда без золотого гребня не расплести ему косы моей Ольги и своей славной саблей не отворить кованого ларца с ее приданым!

- Чудный человек! ты ищешь за свое добро купить себе горе, а дочери несчастье. Ольга любит Романа; ее слезы...

– Слезы – вода, а про любовь ее, задуманную без моего согласия, не хочу я и слышать.

– Если б даже ты угостил меня княжескими павлинами, я не останусь: тоска племянницы отравит редкие твои яствы и дорогую мальвазию...[9 - Мальвазия – сорт греческого виноградного вина.]

– Вольному воля! – повторил раза два Симеон, провожая брата. Задумавшись, сел он под божницей, блестящей золотыми окладами и венцами старинных икон, изукрашенных камнями самоцветными. Сватовство Романа не выходило из его головы: участь дочери лежала на сердце; гордость боролась с отеческою любовью. Больше всего на свете любил Симеон Великий Новгород, но больше всего уважал богатство, и потому-то человек, не отличенный еще согражданами, не наделенный счастьем, с своими заслугами и достоинствами, казался ему ничтожным. К этому присовокупилась давняя досада за противность на вече, где Роман сильно опровергал его мнения. Симеон скоро увидел истину; но старые люди редко ее прощают юношам. Расчетливость не охладила в нем чувств, но тщеславие заставило желать для дочери жениха именитого и богатого; судьба Романа решилась. Симеон не любил говорить дважды.

«Брат посердится и уймется, – думал он, – а любовь девушки – лед вешний: поплачет она, поскучает... и другой жених оботрет ее слезы бобровым рукавом шубы своей!»

Бледен как полотно, выслушал Роман из уст Воеслава приговор свой. Добрый Юрий был ему вместо отца родного; он старался смягчить отказ словами ласковыми, льстил надеждой далекою; но мог ли обольстить несчастливца! Сердце влюбленного чутко, взоры его необманчивы; Роман издали прочитал беду на лице благодетеля. В исступлении немного отчаяния, вперив неподвижные взоры на дверь, долго сидел он на лавке дубовой, ничего не видя и не слыша. Горькие вздохи вздымали грудь, занимали его дыханье; наконец природа взяла верх: в два ключа брызнули слезы из очей юноши; он, рыдая, упал на грудь великодушного друга.

В те времена добрые люди не стыдились еще слез своих, не прятали сердца под приветной улыбкою: были друзьями и недругами явно. Воеслав плакал вместе с Романом, и благодарная душа его как будто утешилась росой отрады.

Уста раскрыв, без слез рыдая,

Сидела дева молодая;

Туманный, неподвижный взор

Безмолвный выражал укор.[10 - Эпиграф взят из поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (1822).]

А. Пушкин

Милая Ольга не знала, не ведала о бывшем. В высоком липовом своем тереме, в кругу нянек и сенных девушек, сидела она за пяльцами, вышивая ковер шелковый, и между тем как нежная рука выводила узоры, воображение рисовало ей блестящие картины будущего. Она краснела от удовольствия при мысли, что на этот ковер, может быть, ступит она под венец с милым сердцу. Воспоминание переносило ее к первой встрече с прекрасным юношею, когда он забыл поклониться, пораженный ее красою, боясь свести глаза с Ольги пленительной. С младенческою подробностью припоминала она ту прелестную весну, когда сердце ее распустилось, как роза, под дыханием первой любви; тот незабвенный семик[11 - Семик – в Древней Руси – народный праздник поклонения душам умерших.], когда впервые рука ее трепетала в руке Романа, когда нехотя убегала она в резвых горелках от милого незнакомца и как будто случаем с ним встречалась, с ним завивала березку и, когда Волхов умчал гадальный венок ее, в глазах Романовых хотела прочесть будущую свою участь. Припоминала места, где видались они, и тайные речи, и поступь, и одежду сердечного друга. Иногда, опустив иголку, в обмане мечты, ей казалось как наяву, будто Роман стоит перед нею в светло-синем кафтане своем, с серебряными застежками, обтянутом около стройного его стана, в зеленых сафьянных сапожках с золочеными каблуками! Казалось, она видела, как он кланяется с обычною уветливостью, как отряхает русые кудри свои, как закладывает шитые с бахромою перчатки за кушак шамаханский[12 - ...кушак шамаханский... (шамахинский) – по названию гор. Шемаха в Северном Азербайджане, население которого занималось, в частности, производством шелка и различных тканей.], и мимолетный ветер чудился ей голосом любезного.

Как любила слушать она Романовы повести о дальних походах новгородцев, на поморье и на подолье, о битвах с богатырями железными, с суровыми шведами, с дикими половцами и литовцами. Она заслушивалась им, растворив окно светлицы над крыльцом отеческим, где милый воитель беседовал за стопой кипящего меду, сидя с братьями Воеславами, по субботам в час вечера, когда кончены все заботы недели, и тонкий пар встает с бань приволховских, и река кипит пловцами. С каким трепетом, с каким благоговением внимала она рассказу о недавнем нашествии Тамерлана, о промысле всемогущего, спасшего Москву от гибели верою граждан, заступлением девы пречистой, образом Владимирской богородицы[13 - Тамерлан, или Тимур, с московского пути обратился на юг России, как пишут современники, в самый тот день (26 авг. 1395 года), когда москвитяне встретили сию чудотворную икону, нарочно из Владимира привезенную, «Ист. гос. Росс», том 5. (Примеч. автора.)]. С каким участием провожала Романа, плененного в Ельце, за войском монголов, гонимых мечом невидимым из России! Описание вечно цветущей Астрахани, коверчатых берегов закубанских и Кавказа, подпирающего небо шлемом снежным, оперенным тучами, и грозного величия бича вселенной – Тимура, его роскошный двор, его зверонравных подданных с их нарядами, с их обрядами и забавами – привлекали внимание Ольги. «Добыча целого света, запечатленная кровию миллионов людей, лежала горами в престольном стане Тимуровом, – говорил Роман. – Цари и владельцы всей Азии служили хану рабами. Ковры персидские, украшение дворцов Багдада, стали попонами верблюдам, многоцепные пояса дев русских обратились в смычки собак; багряницы[14 - Багряница – торжественная одежда, плащ из дорогой ткани багряного цвета (в древности – одежда царей как знак верховной власти).] князей веяли чепраками на конях победителя. Гордые моголы, нежась на войлоках под шалевыми палатками Тибета, пили вино разграбленной Грузии из священных чаш Царя-града». Сердце ее замирало, когда она внимала ужасам, висевшим над головою Романа во время плена, и опасностям во время бегства его на родину, от берегов Черного моря.

Неустрасимость мужчины вливает в грудь девушки какое-то возвышенное к нему уважение. Соучастие дружит, сближает с страдальцем, и любовь, как тиховейный ветер, закрадывается в душу. Пленили Ольгу повести богатырские; но что было с нею, когда Роман садился за звонкие гусли и под говор струн запевал томную песню! Его голос казался тебе, красавица, отголоском тайных чувств твоих; твоя душа сливалась и замирала с звуками любовных припевов; ты млела в каком-то сладостном забытьи, и долго-долго слышались тебе отрадные звуки знакомого голоса, и взоры певца ласкали, пронизали сердце. «Неужель все то правда, что поется в песнях?» – не раз спрашивала Ольга у добродушной няни своей.

«О, конечно! – отвечала няня. – В сказке – басня, а в песне – быль».

И вслед за тем запевала она любимые песни Ольгины, сложенные Романом, и – неопытная предавалась страсти злосчастной и с потворством внимала шепоту сердца, которое от часу громче твердило: «Люблю, люблю Романа!» Ты спознала, непреклонная красавица, грусть и сладкие вздохи, и неясные желания, и, в награду бессонницы, сны, украшенные образом незабвенным. Да и кто ж, коль не он, ей суженый? Разве даром ей явился Роман в зеркале, разве даром приснился о святках, накануне крещенья, и перевел, как наяву, через мост свадебный? Неужели лучший вещун – сердце ее обмануло!..

Так лелеяла надежды свои невинная Ольга; но жребий судил иначе... Вечерел ясный день рюэня[15 - Рюэнь – сентябрь, (Примеч. автора.)]. Ольга задумчиво сидела под густою яблонью, в тенистом саду отеческом. Вдруг затрещал частокол высокий, кто-то спрыгнул с него; еще миг – и Роман очутился перед испуганною Ольгою.

– Не беги, не пугайся, не гневайся, милая! – говорил он, схватив ее за руку. – Выслушай твоего верного Романа. Моя жизнь, мое счастье от того зависят.

Красавица вырывалась напрасно; рассудок советовал ей: «Беги!», сердце шептало: «Останься!» «Что скажут добрые люди?» – повторял разум. «Что станет с милым, когда ты скроешься?» – замечало сердце. Еще борьба страха и стыдливости не кончилась, а Ольга нехотя, сама не зная как, сидела уже с Романом рука об руку и пленительным голосом любви упрекала любезного льстеца в безрассудстве.

– Ольга, – сказал тогда Роман, – я принес весть нерадостную: я сватался, и мне отказано! Жить без тебя я не могу, и когда твоя любовь не одни пустые речи, бежим к доброму князю Владимиру[16 - бежим к доброму князю Владимиру... – вероятно, в Киев, к Владимиру Святославичу, князю Смоленскому (конец XIV – начало XV в.)]: у него найдем приют, а в сердцах своих – счастье. Решайся!

Поражена, изумлена вестью и предложением Романа, безмолвна сидела Ольга. Все кончилось! Все мечты, любимые подруги сердца, погибли. Исчезла радость навек, будто павшая звезда, и так безнадежно, так неожиданно! Долго бушевали страсти в груди ее; долго тускнело зеркало разума под дыханием отчаяния; наконец ужасающая мысль о побеге возбудила внимание Ольги.

– Бежать, мне бежать! – воскликнула она, рыдая. – И ты, Роман, мог предложить средство, позорное для моего роду и племени, пагубное для меня самой! Нет, ты не любил Ольги, когда забыл о ее доброй славе, о чистоте ее совести. Бежать! Совершить дело неслыханное, бросить край родимый, обесславить навек родителей, прогневать бога и святую Софию! Нет, Роман, нет, отрекаюсь любви, если она требует преступлений, и даже тебя, тебя самого.

Слезы прервали речь ее.

С нахмуренным челом, блуждая окрест сверкающими взорами, внимал вспыльчивый Роман укорам девы.

– Женщины, женщины! – произнес он с дикою усмешкою, – и вы хвалитесь любовью, постоянством, чувствительностью! Вы, жалостливые только до песен; вы, из тщеславия пленяющие легковверных! Любовь ваша – одна прихоть, болтлива и летуча как ласточка; но когда приходится доказать ее не словом, а делом, как вы обильны в извинениях, как щедры на советы, на старые басни и на упреки! И для чего ж было льстить мне коварными взорами, речами ласки и надежды? Чтобы убийственным нет оледенить сердце любовника! Не для тебя ль, непреклонная, забывал я славу, и свет, и все, меня окружающее; не замечал, как откидывались от глаз, будто ненароком, при встрече со мною, фаты первых красавиц, какие взгляды стремились ко мне из-за штофных занавесов богатейших из моих соседок? Не я ли вековал на улице, чтоб уловить небесный взор твой, услышать звук твоего голоса, шум легкой твоей походки? Не я ли посвятил тебе жизнь и счастье жизни? И ты разом все у меня похищаешь: меняешь мою руку на роскошь, хочешь, чтобы золотым обручальным кольцом приковали тебя к чугунной цепи немилого супружества, – немилого, говорю я?.. Но ведь женская любовь – привычка; долго ль красавице позабыть прежнее!.. И может статься, если переживу я свое несчастье, Ольга захочет видеть меня дружкой своим, чтобы с саблей в руке скакал я в ночь около ее спальни и охранял покой новобрачных!..

В пылу гнева Роман не внимал умоляющему голосу Ольги, но, излив словами сердце, он увидел слезы ее; они потушили исступление. Ярость исчезла, как тающий снег на раскаленном железе.

– Неблагодарный друг! – говорила красавица. – И ты мог подумать, мог вымолвить, что я разлюбила тебя! Надеялась ли я когда-нибудь слышать упреки

за справедливость? думала ли получить такую награду, когда твои вздохи волновали грудь мою, когда по целым часам я внимала взорами тайному разговору ясных очей твоих?.. А теперь!

- Прости, прости меня, бесценная!.. - повторял тронутый Роман, целуя хладную ее руку...

Невольно склонилась девица на кипящую грудь юноши; щеки обоих горели румянцем, и первый сладостный поцелуй любви запечатлел примирение.

- Жить и умереть с тобою! - тихо произнесла Ольга, и все жилки Романа затрепетали чувством неизъяснимым.

Души пылкие! вам они понятны: вы изведали сии волшебные мгновения, когда каждая мысль - радость, каждое ощущение - нега, каждое чувство - восторг!

- Через три дня, в праздник пятилетия мира с немцами, в час полуночи, я буду ждать милую Ольгу под окошком садовым; борзые кони умчат нас отсюда, суматоха праздничная поблагоприятствует побегу, и на берегу чуждой реки найдем мы покой и счастье и, может статься, дождемся благословения отеческого.

Роковое да! излетело со вздохом. Любовники поцеловались еще и еще раз. Прощальные слезы сверкнули - Роман удалился.

III

Они в ручной вступили бой,

Грудь с грудью и рука с рукой.

От вопля их дубравы воют,

Они стопами землю роют.[17 - Эпиграф взят из драматической поэмы И. И. Дмитриева «Ермак» (1803—1805).]

Дмитриев

Наступил день праздника.

Веселый звон колоколов огласил воздух, и Новгород, запестрел народом; собираются стар и мал: граждане в церковь Софийскую, немцы к св. Петру. Громогласно читают договорную мирную грамоту с рижанами и Готским берегом[18 - ...читают договорную мирную грамоту с рижанами и Готским берегом... - Речь идет о торговых соглашениях Новгорода с рижскими купцами, членами Ганзейского союза, а также о заключенном в 1395 г. новгородскими боярами союзе с ливонскими феодалами.]; молебствие отходит, и все спешат от обедни к обеду на городище. Сановники за столами браными ждут гостей, гости ожидают друг друга, И вот уже посадник приветствует купцов ревельских, любских, армянских, союзников литовцев, земляков россиян. Владыко благословляет ясты, гремит труба, и все садятся: богач подле бедного, знатный с простолюдином, иноверец рядом с православными. Всё смешано, все дышат братством и дружеством; благодатное небо раскинуто одинаково над всеми. Казалось, тогда обновился пир Изяслава[19 - Изяслав - князь (1024—1078), старший сын Ярослава Мудрого (978 - 1054), великого князя Киевского.], князя, любезного народу, угощавшего на этом же месте любимый народ свой.

Протекли с того дня три века; изменились князья Новагорода; зато новгородцы остались те же. По-прежнему шумны как липец[20 - Липец - липовый медовый напиток.], по-прежнему гнев их сердец опадает как пена, и незлопамятная рука новгородца охотно покидает меч для кубка мирового, и недруги садятся друзьями за гостеприимный стол, за хлеб-соль русскую.

Текут часы, течет вино рекою, и заздравный рог кружится между гостями, и цветные наливки румянят ланиты пирующих. Смех и шум возвещают конец обеда. Встают - и веселые, живые песни раздаются по берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Разговоры о древностях Новагорода»... и «Опыт о древностях русских» – «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» Е. Болховитинова (1808) и «Опыт повествования о древностях русских» Г. П. Успенского (2-е изд., 1818).

2

Эпиграф взят из стихотворения В. А. Жуковского «Алина и Альсим» (1814).

3

Так назывались на Руси турниры. См. 5-й том «Ист. гос. госс.» Карамзина, примеч. 251. (Примеч, автора.)

4

...косячатое окошко... (косячатое, косячатое, косячатое) – окно с косяками.

5

...сотник конца Славенского. – Сотник (истор.) – командир небольшого войскового подразделения, сотни. Население в Новгороде делилось на сотни, на «концы», то есть районы, а жители «концов» назывались кончане.

6

Брак сопровождаем был в старину множеством обрядов: перед выездом в церковь жених и невеста ступали на ковер, под венцом стояли на соболе, по приезде в дом жениха невесте расплетали косу, которой уже не могла она показывать. Во время пира подруги молодой пели приличные песни. При входе в спальню новобрачных осыпали хмелем и деньгами, чтоб они жили весело и богато. Постель стлалась на тридцати девяти снопах разного жита, и один из дружек, с саблею в руке, должен был разъезжать всю ночь кругом брачной клетки или сенника. (Примеч. автора.)

7

Твердислав был посадником новгородским в 1219 году. О его великодушии смотри «Ист. гос. Росс.» Карамзина, том 3, стр. 172. (Примеч. автора.)

8

...потомок самого Вадима... – Вадим – полулегендарный вождь новгородцев, упоминаемый в Никоновской летописи; выступил против власти князя Рюрика. В глазах декабристов был символом героической борьбы против тирании.

9

Мальвазия – сорт греческого виноградного вина.

10

Эпиграф взят из поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (1822).

11

Семик – в Древней Руси – народный праздник поклонения душам умерших.

12

...кушак шамаханский... (шамахинский) – по названию гор. Шемаха в Северном Азербайджане, население которого занималось, в частности, производством шелка и различных тканей.

13

Тамерлан, или Тимур, с московского пути обратился на юг России, как пишут современники, в самый тот день (26 авг. 1395 года), когда москвитяне встретили сию чудотворную икону, нарочно из Владимира привезенную, «Ист. гос. Росс», том 5. (Примеч. автора.)

14

Багряница – торжественная одежда, плащ из дорогой ткани багряного цвета (в древности – одежда царей как знак верховной власти).

15

Рюэнь – сентябрь, (Примеч. автора.)

16

бежим к доброму князю Владимиру... – вероятно, в Киев, к Владимиру Святославичу, князю Смоленскому (конец XIV – начало XV в.).

17

Эпиграф взят из драматической поэмы И. И. Дмитриева «Ермак» (1803—1805).

18

...читают договорную мирную грамоту с рижанами и Готским берегом... – Речь идет о торговых соглашениях Новгорода с рижскими купцами, членами Ганзейского союза, а также о заключенном в 1395 г. новгородскими боярами союзе с ливонскими феодалами.

19

Изяслав – князь (1024—1078), старший сын Ярослава Мудрого (978 – 1054), великого князя Киевского.

20

Липец – липовый медовый напиток.

Купить: https://tellnovel.com/bestuzhev-marlinskiy_aleksandr/roman-i-ol-ga

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)